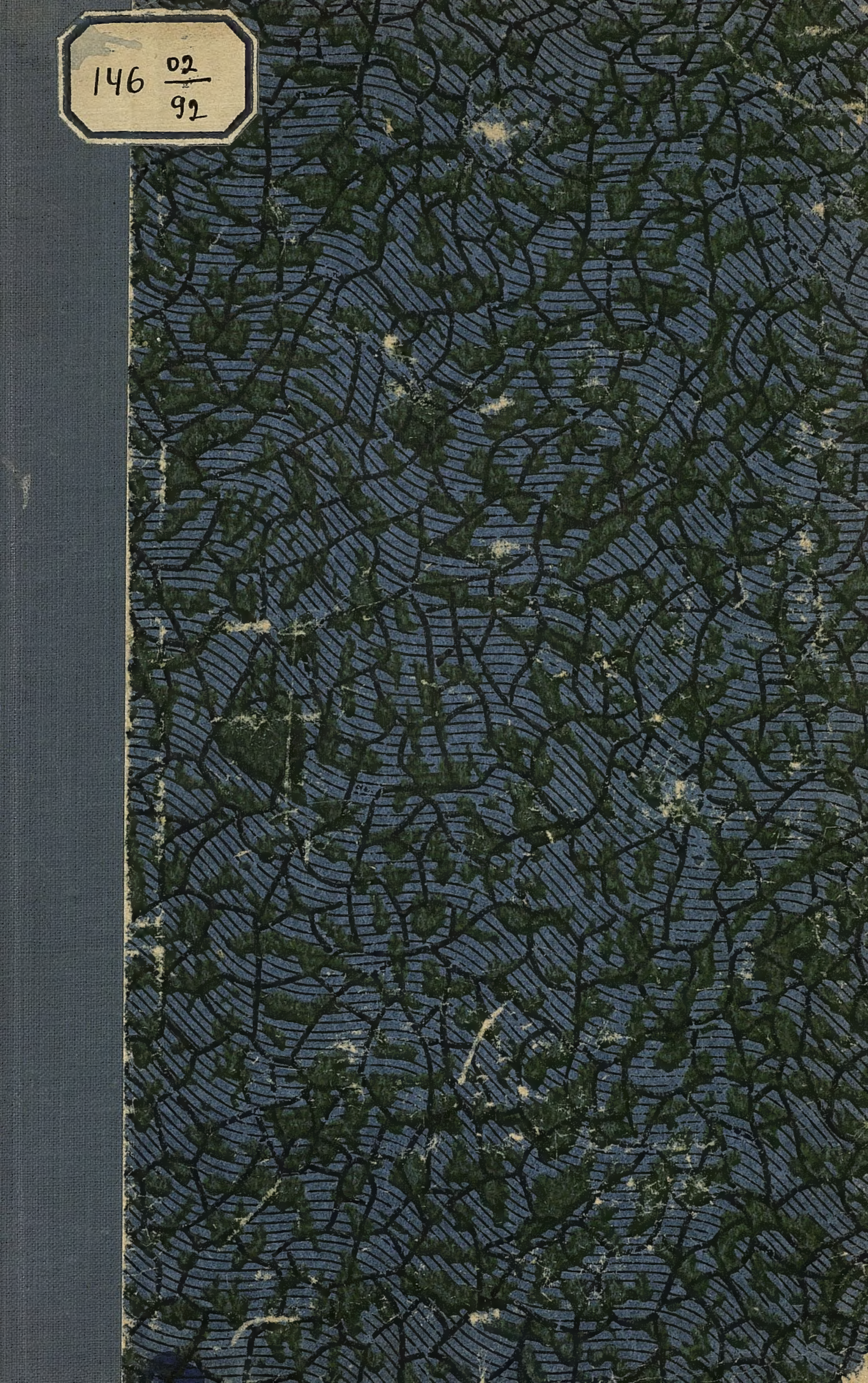
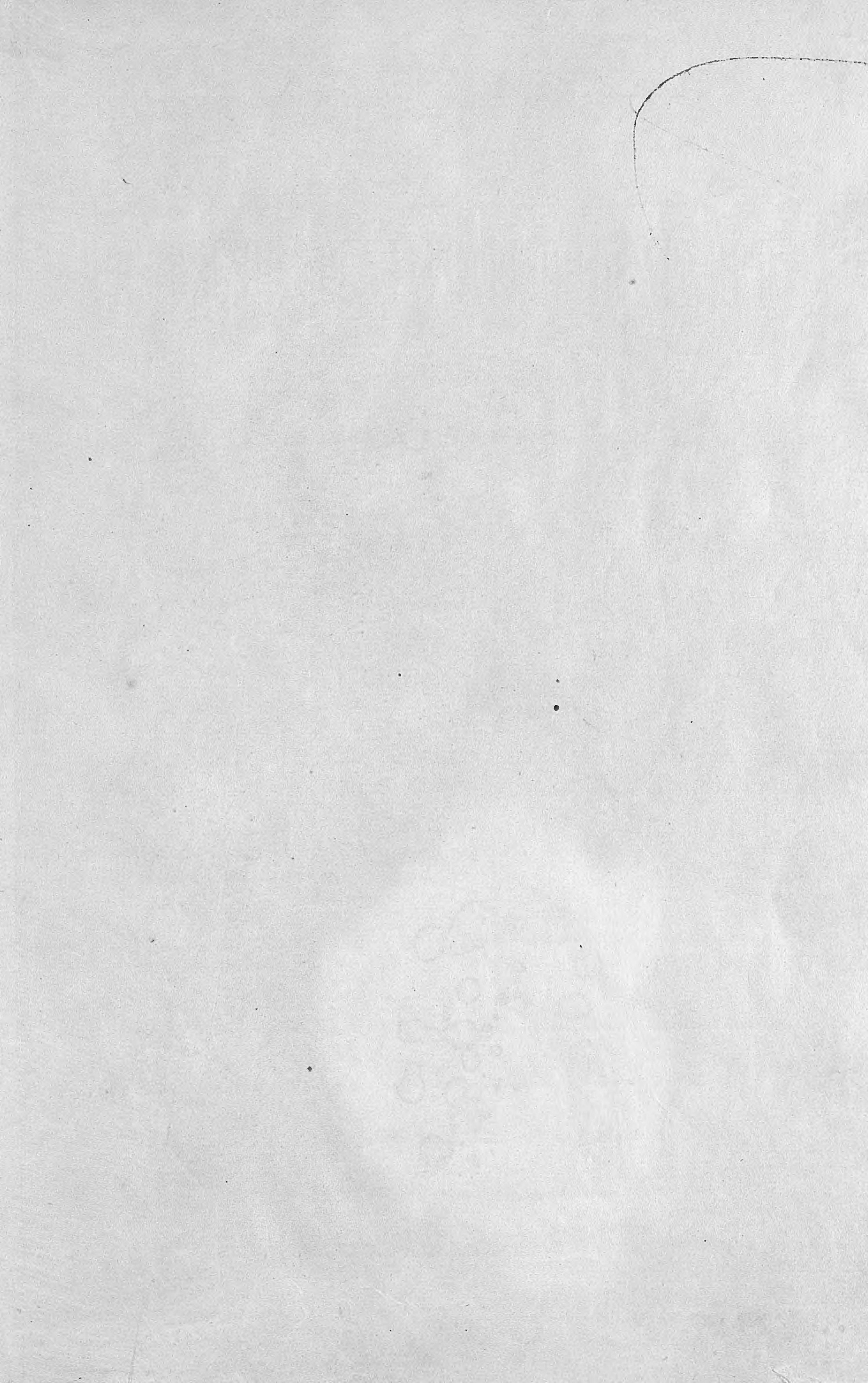

146 02/92

МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

А. Н. Ясинскаго

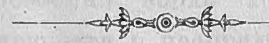

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнерев и К° въ Москвѣ.
1889.

МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

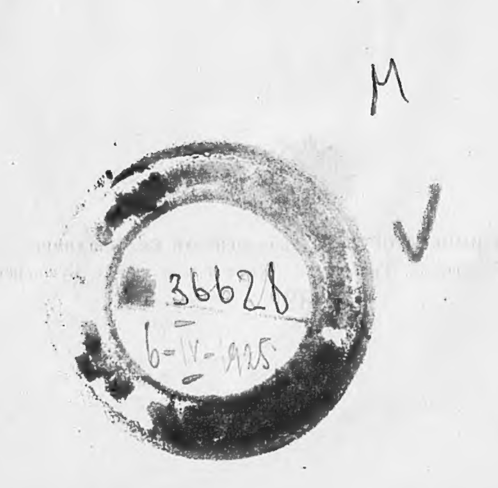
А. Н. Ясинскаго

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра (изъ Унив. Извѣстій 1889 года).

МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ
въ XVI вѣкѣ.

Опись царскаго архива, помѣщенная въ I томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи (№ 289, стр. 335—355), даетъ возможность ознакомиться, въ общихъ чертахъ, съ организаціей и значеніемъ московскаго государственнаго архива при Іоаннѣ Грозномъ.

Опись царскаго архива въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до нашего времени и издана въ Акт. Арх. Эксп., представляетъ перечень государственныхъ и государевыхъ документовъ и бумагъ, размѣщенныхъ въ 231 ящикѣ. Достаточно бѣгло просмотрѣть эту опись, чтобы убѣдиться, какая масса весьма интересныхъ и важныхъ документовъ не отыскана или, вѣрнѣе, безслѣдно погибла для изслѣдователя. Можно смѣло утверждать, что русская исторія XVI вѣка и особенно эпоха Іоанна Грознаго не представляли бы такой загадочности и неопредѣленности, если бы сохранились эти акты.

Прежде чѣмъ скажемъ, какого рода это были акты, необходимо познакомиться съ самою описью.

Опись эта была издана въ I томѣ Акт. Арх. Эксп. подъ редакціей Я. И. Бередникова по оффиціальному подлиннику, взятому изъ Сборника, состоящаго изъ разныхъ тетрадей, писанныхъ почеркомъ XVI и XVII вѣка. Сборникъ этотъ, въ которомъ наша опись занимаетъ свыше ста страницъ (in-4, л. 232—359), хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, и на переплетѣ его вытиснута подпись Acta mag. Duc. Litv. [1]), т. е. книги Литовской метрики.

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 355.

Опись царскаго архива не дошла въ полномъ составѣ, такъ какъ въ рукописи не хватаетъ нѣсколькихъ листовъ, а самый конецъ въ нѣсколько строкъ писанъ другимъ почеркомъ. Рукопись описи испещрена помѣтами въ текстѣ и на поляхъ, помѣтами, обозначающими когда и кто взялъ тотъ или другой актъ изъ архива.

Бередниковъ, редактировавшій I-й томъ Акт. Арх. Эксп., составленіе описи относитъ къ промежутку времени отъ 1575 г. до 1584 г., но нигдѣ не объясняетъ, на какомъ основаніи онъ беретъ эти предѣльныя даты. Можно, однако, догадываться, чѣмъ онъ руководился при такомъ опредѣленіи времени составленія описи: послѣдній изъ предѣльныхъ годовъ есть годъ кончины царя Іоанна; что-же касается перваго, то дѣйствительно въ описи было помѣчено *на поляхъ*, что ящикъ 155, гдѣ хранилась большая печать, былъ взятъ къ государю въ 83, т. е. въ 1575 году.

Между тѣмъ, относить составленіе описи къ 1575 году нельзя, по нашему мнѣнію, потому, что помѣта эта сдѣлана не въ текстѣ подлинной оффиціальной рукописи, а *на поляхъ* и этимъ обличаетъ свое позднѣйшее происхожденіе.

Составитель описи, какъ видимъ изъ ея текста, отмѣчаетъ, что нѣкоторые ящики и документы находятся у государя, какъ значится „по Ивановымъ книгамъ Михайлова“ (стр. 335), а въ серединѣ описи находится такая помѣта: „а се ящики, которые прибыли при дьякѣ Иванѣ при Михайловѣ“ (всѣ ящики начиная съ 138-го); далѣе, часто въ описи дѣлается ссылка на „Ивановы книги“, а въ одномъ мѣстѣ указана даже погрѣшность въ этихъ книгахъ: „да ящикъ 3 же, а въ книгахъ не написанъ“.

Такимъ образомъ, какъ оказывается, царскій архивъ находился въ завѣдываніи печатника Ивана Михайловича Висковатаго, который велъ книги, т. е. составлялъ опись архива, значительно при немъ обогатившагося. Послѣ Висковатаго архивъ былъ въ безпорядкѣ: въ нѣкоторыхъ ящикахъ оказывались не тѣ дѣла, которыя значились по описи (ящикъ 45), или совершенно отсутствовали: такъ, приказывалось помѣтою на полѣ „пріискать“ содержимое 126 и 134 ящиковъ.

Какъ извѣстно, Иванъ Висковатый былъ безпощадно замученъ, по приказанію царя Іоанна, въ іюлѣ 1570 года.[1]) Слѣдовательно, опись царскому архиву была составлена до этого года.

---

[1]) Scriptores Exteri, t. I; Гваньини, 43.

Этимъ, однако, мы не хотимъ сказать, что опись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, была составлена Висковатымъ, такъ какъ опись послѣ него подвергалась дополненіямъ и исправленіямъ, а слѣды тѣхъ и другихъ мы уже отмѣчали. Мы только доказываемъ, что въ основаніе дошедшей до насъ описи вошла опись Висковатаго, составленная до 1570 года. Разъ такъ стоитъ дѣло, то является вопросъ, въ какое же время была составлена имѣющаяся у насъ опись?

Для рѣшенія этого вопроса обратимъ вниманіе на то, что однѣ помѣты съ датами сдѣланы въ текстѣ, а другія—вверху статей и на поляхъ. Помѣты послѣдняго рода, по нашему мнѣнію, могли быть сдѣланы лишь тогда, когда рукопись была уже изготовлена, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ попали бы въ текстъ, какъ это случилось съ помѣтами, внесенными въ текстъ, вѣроятно, при перепискѣ и исправленіи Ивановыхъ книгъ, т. е. описи, составленной Висковатымъ, тогда какъ помѣты въ текстѣ могли быть сдѣланы только при изготовленіи дошедшей до насъ рукописи, а вслѣдствіе этого имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о датировкѣ нашего акта.

Итакъ, въ виду того, что въ самомъ текстѣ описи самая поздняя дата-помѣта относится къ 7080 году: „да тутъ же грамота подтверженая новая Свѣйскихъ пословъ, Павла бискупа Абовскаго съ товарыщи, которую писали въ Новѣгородѣ у Государя въ 80 году“ (ящикъ 103), мы приходимъ къ заключенію, что опись въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, была изготовлена не ранѣе 80, т. е. 1572 года по теперешнему лѣтосчисленію. Далѣе, такъ какъ ближайшая по времени помѣта, относящаяся къ 83, т. е. 1575 году, сдѣлана на поляхъ (ящикъ 155), то заключаемъ, что опись изготовлена не позже 1575 года.

Такимъ образомъ, опись царскаго архива въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ въ рукописи, и какъ она издана, была приготовлена въ промежутокъ времени отъ 1572 до 1575 года.

Вотъ эта-то опись, составителемъ которой былъ въ значительнѣйшей степени печатникъ Иванъ Висковатый, даетъ возможность сдѣлать нѣсколько замѣчаній о составѣ московскаго государственнаго архива и его значеніи, какъ одного изъ важныхъ государственныхъ учрежденій въ системѣ московскаго высшаго управленія.

Документы и акты, поступавшіе въ архивъ, хранились въ ящи-

кахъ. Изъ описи видно, что ящиковъ въ архивѣ находилось свыше 231. Опредѣлить точно количество ящиковъ мы не можемъ, такъ какъ въ концѣ рукописи не хватаетъ нѣсколькихъ листовъ. Иногда въ одномъ ящикѣ хранился другой: напр., въ 111 находился дубовый ящичекъ съ разными списками, въ 122—липовой ящичекъ. Въ этихъ ящикахъ хранились весьма разнообразные государственные документы и акты, но размѣщены были они безъ всякаго порядка: за ящикомъ, въ которомъ находилась дипломатическая переписка съ Литвою или датскимъ королемъ, слѣдовалъ ящикъ, гдѣ хранились купчія, мѣновныя и другія грамоты; въ одномъ и томъ же ящикѣ были посольскія книги и судебникъ „за дьячьими руками" (ящикъ 139), указъ объ опричнинѣ, сыскныя дѣла по обвиненію различныхъ лицъ въ оскорбленіи государя (непригожія рѣчи про государя), память старицы Александры, выпись митрополичьихъ пошлинъ и сказка литовскаго гонца про князя Андрея Курбскаго (ящикъ 191).

При такомъ безпорядочномъ размѣщеніи документовъ въ архивѣ, гдѣ хранилась какъ дипломатическая переписка съ сосѣдними и отдаленными государствами, такъ всевозможнѣйшія бумаги, относящіяся до внутренней жизни московскаго государства, почти невозможно въ послѣдовательной и связной картинѣ познакомить съ составомъ архива, такъ что мы удовлетворимся указаніемъ на обширную дипломатическую переписку московскаго государства и перечисленіемъ важнѣйшихъ документовъ, относящихся до внутренней жизни московскаго государства, указывая, въ какихъ ящикахъ они хранились.

Какъ оказывается, почти всѣ государства Западной Европы и отдаленнаго Востока вошли въ сферу политики московскаго государства въ XVI вѣкѣ[1]).

---

[1]) Литовско-польскія дѣла хранились въ 1—6, 18, 21—22, 49, 54, 60, 64, 71, 87, 100, 135—136, 139—140, 167—168, 173, 183, 188, 193, 207, 219, 227, 231 (сюда можно причислить содержаніе ящиковъ 63—64 и 74, какъ относящееся до Смоленской земли, въ то время еще спорной) ящикахъ архива; шведскія дѣла—въ 11, 51, 96—97, 103, 183, 185, 194, 197, 205; ливонскія дѣла—въ 11, 29, 30, 46, 83, 90, 93, 98, 142, 154, 166, 169, 197, 199; казанскія дѣла—въ 12—16, 25, 32—36, 65, 72, 88—89, 94, 105—106, 135, 139, 188, 201; крымскія дѣла—въ 36—37, 65, 70, 86, 101, 104, 135, 139, 218, 230. Дипломатическая переписка съ императорами находилась въ 8, 19—20 и 199 ящикахъ (сюда можно отнести дипломатическую переписку съ Венгріей, въ 7 ящикѣ хранящуюся); дипломатическая переписка съ Англіей—въ 179, 188, 209; дипломатическая переписка съ Даніей—въ 10, 62, 204; дипломатическая переписка съ Франціей—въ 49, 55, 199; дипломатическая переписка съ папами и италіанскими владѣтелями—въ 49; дипломатическая переписка съ Валахіей и Турціей—въ 9, 31, 43, 53,

Документы и акты, касающіеся внутреннихъ дѣлъ, были въ высшей степени разнообразны, такъ что мы можемъ указать только на важнѣйшія категоріи или болѣе важные изъ нихъ.

Въ архивѣ царскомъ хранились грамоты договорныя (докончальныя) московскихъ великихъ князей съ удѣльными и Новгородомъ, удѣльныхъ между собою, а также Новгорода съ тверскими великими князьями [1]), духовныя грамоты московскихъ великихъ князей, московскихъ удѣльныхъ и Волоцкихъ князей, бояръ и другихъ лицъ, [2]) жалованныя грамоты различнымъ лицамъ и сословіямъ, а также жалованныя несудимыя монастырямъ и чернымъ волостямъ [3]), межевыя (разъѣзжія) грамоты Дмитрова съ Кашинымъ, Новгорода съ Ржевою, Углицкаго уѣзда и Псковская [4]), поручныя и цѣловальныя записи [5]), мѣновныя [6]) и купчія [7]) грамоты, уставныя [8]), данныя [9]), опасныя [10]), посыльныя [11]), правая [12]), пропускныя [13]), присыльныя [14]), черныя гра-

---

102, 135, 139, 141; дипломатическая переписка съ отдаленнымъ мусульманскимъ востокомъ (Бухара, Шемаха и Персія)—въ 48 и 211 ящикахъ. Документы, касающіеся сношеній съ ногайскими и астраханскими татарами, съ владѣтелями сибирскими и кавказскими, хранились въ 22—23, 38, 50, 135, 139, 172, 183, 203, 211, 216 ящикахъ; документы, касающіеся сношеній съ греками, восточными патріархами, Аѳономъ и Синаемъ, хранились въ 31, 55, 135, 176, 188 ящикахъ.

1) См. ящики 17, 27, 45, 47, 59, 99, 138, 146, 149, 158 и 171. Почти всѣ эти грамоты изданы въ 1 томѣ Собр. Государ. Грам. и Дог. и I томѣ Акт. Арх. Эксп.

2) См. ящики 47, 59, 80, 138, 156, 159, 215. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ изданы въ I томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог. подъ №№ 21—22, 24—26, 30, 34, 39, 42, 51, 82—83, 86—87, 96, 105, 112, 121—124, 130—132, 144, 147, 151.

3) См. ящики 74, 107, 121, 128, 146—147, 150, 160, 201. Множество жалованныхъ грамотъ помѣщено въ I томѣ Акт. Арх. Эксп., Акт. Ист. и Доп. къ Акт. Ист.

4) См. ящики 45, 163, 166, 180. Какъ образецъ такихъ грамотъ см. № 117 въ I томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог.

5) См. ящики 27, 34—35, 39, 137, 145, 147, 165, 183, 191—192, 201, 206. Почти всѣ поручныя записи изданы въ I томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог.

6) Образцы мѣновныхъ грамотъ см. въ I томѣ Доп. къ Акт. Ист. №№ 14, 18, 20 и въ I томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог. № 129.

7) Образецъ купчей грамоты см. въ I томѣ Акт. Арх. Эксп. № 280. Мѣновныя и купчія грамоты хранились въ 134, 138, 186, 195, 231 ящикахъ архива.

8) См. ящики 128, 172. Множество такихъ грамотъ издано въ I томѣ Акт. Арх. Эксп.

9) См. ящикъ 150. Образцы данныхъ грамотъ см. въ I томѣ Акт. Ист. №№ 29, 84 и Акт. Арх. Эксп. № 32.

10) См. ящики 36, 201—202. Такія грамоты см. въ I томѣ Акт. Ист. № 73 и во 2 томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог. № 28.

11) См. ящики 36, 121, 126, 184. Такую грамоту см. въ I томѣ Акт. Ист. № 196.

12) Образецъ такой грамоты см. во 2 томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог. № 47.

13) См. ящики 176, 201.

14) См. ящики 108, 112, 116.

моты [1]), судебникъ „за дьячьими руками“ [2]), списки оффиціальной лѣтописи [3]), переводъ съ лѣтописца Польскаго и космографіи [4]), чертежи пограничныхъ областей и списки дорогъ въ сосѣднія государства [5]), дефтери Батыя на монгольскомъ языкѣ [6]), всевозможнѣйшаго рода списки, сказки, жалобницы, челобитныя, рѣчи, обыски, сыски, памяти, выписи, отписки, отпуски, росписи, дѣла, кабалы, печати, книги, родословныя и т. п.

Самая ничтожная часть всего этого богатаго матеріала сохранилась, издана и доступна современному изслѣдователю, а остальное, вѣроятно, безвозвратно погибло: напр., изъ такихъ важныхъ актовъ и документовъ, какъ письма великаго князя Василія къ Соломоніи и Елены къ Василію (ящ. 27, 85), переписка царя Іоанна съ роднымъ и двоюроднымъ братьями и сыновьями (ящ. 187, 216), подлинныя соборныя дѣла „за митрополичьею рукою“ (ящ. 189—190, 222), указъ объ опричнинѣ, данный царемъ по возвращеніи изъ Александровской слободы (ящ. 191), и приговоръ земскаго собора стоять за Ливонію (ящ. 225), документовъ и актовъ, хранившихся, какъ видно изъ описи, въ архивѣ, отысканъ и изданъ въ I томѣ Собр. Госуд. Грам. и Дог. только послѣдній.

Всѣ эти документы и акты находились въ постоянномъ пользованіи различныхъ лицъ и учрежденій.

Мы выше упоминали, что опись во многихъ мѣстахъ испещрена помѣтами. Какъ видно изъ этихъ помѣтъ, документы и акты неоднократно вытребовались то въ Посольскую Палату (стр. 336), то въ Походную Палату (стр. 346), то выдавались служивымъ людямъ ради казенной надобности, напр. Юрію Сидорову и дьяку Кожюху Кроткому были переданы чертежи и списки украинныхъ городовъ (стр. 345), а наказы о Свіяжскѣ, шертныя грамоты, отписки воеводъ и царскіе имъ наказы были вручены дьяку Истомѣ Кузьмину, когда государь велѣлъ ему быть въ Казанской Избѣ (стр. 346). Справки въ архивѣ въ разное время наводилъ самъ царь, какъ видно

---

1) См. ящики 78, 133, 176.
2) См. ящикъ 139.
3) См. ящики 223—224.
4) См. ящикъ 217.
5) См. ящики 21—22, 26, 51, 64, 144, 164, 220—221.
6) См. ящикъ 148.

изъ помѣтъ въ описи. Помѣты эти относятся ко времени отъ 1562 по 1575 годъ (см. на стр. 348, 346 помѣты къ ящикамъ 176, 155), времени учрежденія и господства опричнины, сожженія Москвы, опалъ и казней. Руководствуясь этими помѣтами, возможно было бы указать, какіе вопросы и въ какое время интересовали царя. Къ сожалѣнію, этихъ помѣтъ очень мало, и тѣмъ необходимѣе воспользоваться ими всѣми.

20 Іюля 1563 года по дѣлу Владиміра Андреевича были взяты къ государю бумаги, относящіяся къ отъѣзду и пыткѣ въ дѣлѣ князя Семена Ростовскаго (стр. 347). Такимъ образомъ, какъ оказывается, почти черезъ 10 лѣтъ послѣ попытки князя Ростовскаго бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками [1]) его дѣло заинтересовало царя по связи своей съ какимъ-то дѣломъ князя Старицкаго.

Обратимся къ лѣтописи, не объяснитъ ли она, какое это было дѣло?

Въ концѣ 1563 года, какъ узнаемъ изъ Александро-Невской лѣтописи, дьякъ Савлукъ Ивановъ доносилъ, что князь Владиміръ съ матерью держатъ его въ заточеніи, такъ какъ опасаются, чтобы онъ не донесъ царю, что они „многія неправды ко царю и великому князю чинятъ“.

„По его слову, крайне неопредѣленно и глухо объясняетъ лѣтописецъ, *многіе о томъ сыски* были, и тѣ ихъ *неисправленія* сысканы“.

Развязка всего этого, какъ узнаемъ изъ той-же лѣтописи, была слѣдующая: княгиня Евфросинія, мать князя Владиміра, била челомъ о позволеніи постричься, получила позволеніе, и постриженіе совершилось 5 августа, а у князя Владиміра оставили вотчины, но перемѣнили весь придворный штатъ [2]).

Возбужденное, по доносу дьяка Иванова, въ концѣ іюня дѣло князя Владиміра не было рѣшено еще 20 Іюля, когда царь вытребовалъ изъ архива бумаги, относящіяся къ отъѣзду и пыткѣ въ дѣлѣ князя Ростовскаго. Зачѣмъ, спрашивается, послѣ мѣсячныхъ „многихъ сысковъ“ потребовалось заглянуть въ документы по дѣлу князя Ростовскаго? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что почти немед-

---

[1]) Ник. Лѣт. VII, 211—212.
[2]) Рус. Ист. Библ. III, 180—182.

ленно послѣ разсмотрѣнія дѣла князя Ростовскаго послѣдовало рѣшеніе относительно князя Владиміра Андреевича и его матери.

Если послѣ „многихъ сысковъ“, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, пришлось обратиться къ старому дѣлу князя Ростовскаго, то это доказываетъ, что сыски не привели ни къ какому результату, что дьякъ Ивановъ умѣлъ клеветать, но не въ силахъ былъ доказать „неправдъ“, чинимыхъ княземъ Владиміромъ съ матерью. Съ другой стороны, также очевидно, что въ дѣлѣ князя Ростовскаго не могло заключаться никакихъ уликъ противъ Владиміра Андреевича и его матери, потому что, при наличности таковыхъ, наказаніе постигло бы ихъ 10 годами ранѣе, когда былъ осужденъ князь Семенъ Ростовскій за свои преступленія на смертную казнь. Единственно возможный, по нашему мнѣнію, отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ можетъ быть слѣдующій: послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ сысковъ (этимъ-то, вѣроятно, объясняется, почему лѣтописецъ такъ неопредѣленно выражается объ этомъ дѣлѣ) вспомнили, что князь Семенъ Ростовскій былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцовъ князя Старицкаго во время опасной и тяжелой болѣзни Іоанна, и рѣшили воспользоваться его дѣломъ, какъ косвенной уликой.

Въ первой половинѣ августа 1566 года царь самъ въ архивѣ пересматривалъ ящики и отбиралъ документы различнаго рода, какъ видно изъ такихъ помѣтъ: „августа въ 4 день, изъ сего ящика (17-аго) выбралъ государь, а взялъ ихъ къ себѣ“ „августа; въ 7 день, сесь ящикъ (43-ій) государь пересмотривъ взялъ къ себѣ“; „74 августа въ 13 день взялъ государь къ себѣ“ (изъ 150 ящика).

Что же интересовало Іоанна и побуждало его въ теченіе полумѣсяца перечитывать старыя дѣла, хранившіяся въ архивѣ?

Припомнимъ, что 28 іюня 1566 года земскій соборъ, созванный царемъ для обсужденія вопроса о мирѣ съ Литвою, приговорилъ „ливонской земли городовъ польскому королю никакъ не поступаться и за то крѣпко стоять“. Царь, однако, не считалъ дѣла рѣшеннымъ и на отпускѣ литовскихъ пословъ, выѣхавшихъ изъ Москвы 22 іюля, сказалъ, что отпуститъ къ королю своего великаго посла, Ѳедора Ивановича Умнаго-Колычева. Между тѣмъ, обѣщаннаго посла отпустилъ въ Литву 2 февраля слѣдующаго года [1]).

---

[1]) Алек.-Нев. Лѣт. въ Рус. Ист. Биб. III, 278, 290.

Какъ можно видѣть изъ этого, царя не могли не интересовать литовскія дѣла и отношенія.

Припомнимъ также, что это было время, непосредственно слѣдующее за учрежденіемъ опричнины, эпоха такъ называемыхъ первыхъ казней. Поэтому, въ это время царя должны были особенно живо интересовать фамильныя и семейныя отношенія его рода и отношенія боярства къ царствующимъ лицамъ.

Дѣйствительно, царь отобралъ и взялъ къ себѣ (договорныя) грамоты рязанскихъ князей, новгородскія, тверскихъ великихъ князей съ Новгородомъ, князей Юрія, Дмитрія, Семена и Андрея съ великимъ княземъ Васильемъ, великаго князя Василія Васильевича съ княземъ Юріемъ Дмитровичемъ и княземъ Дмитріемъ Шемякою, княземъ Иваномъ Можайскимъ и другими удѣльными князьями (стр. 289, 336, 338, 341, 345 и 346), а также духовныя грамоты старыхъ великихъ князей, всѣхъ московскихъ великихъ князей, начиная съ Калиты, великаго князя Василія Васильевича, князей Михаила Верейскаго, Ивана Юрьевича, Дмитрія Ивановича, Андрея меньшика, Волоцкихъ, Данила Пѣнкова и княгини Евфросиніи (стр. 340, 344—345). Если прибавимъ, что тогда же были взяты государемъ родословныя великихъ князей Московскихъ, Смоленскихъ, Ростовскихъ и Ярославскихъ, списки о князѣ Иванѣ Рязанскомъ, документы, касающіеся отъѣзда Шемяки (стр. 337, 342), то увидимъ, что царь желалъ прослѣдить по важнѣйшимъ документамъ исторію своего рода вплоть до послѣдняго времени, исторію, такъ сказать, возсозданія московскаго государства.

Интересуясь исторіей своего рода, Іоаннъ еще въ бóльшей степени интересовался семейными дѣлами и отношеніями своего дѣда и отца, такъ что отобралъ въ архивѣ дѣло объ опалѣ великой княгини Волошенки (Елены, жены Іоанна молодаго), сказки Михаила Волошенина и другихъ валаховъ на Степана, воеводича Волошскаго, сказки различныхъ лицъ про немочь великой княгини Соломоніи, письма отца къ той же Соломоніи и его матери къ отцу, присоединивши къ этимъ документамъ книги свадебныя, посылки о сватовствѣ въ Литву, Швецію и Черкасскую землю и письма его самого къ сыновьямъ и этихъ послѣднихъ къ нему (стр. 348, 339, 340, 342, 337, 346, 349).

Устроивши опричнину и предавши казни многихъ лицъ высшаго сословія, царь Іоаннъ искалъ, вѣроятно, въ старыхъ дѣлахъ оправданія и подкрѣпленія своей крутой расправѣ. Иначе зачѣмъ было бы ему брать къ себѣ такіе документы, какъ показанія Максима Грека, Берсеня и Жаренаго, обыскъ Дмитрія Волынскаго и дѣла объ отъѣздахъ Ѳедора Мстиславскаго и Ивана Овчины-Телепнева, которому король прислалъ опасную грамоту (стр. 337).

Какъ видно, Іоаннъ былъ весьма озабоченъ характеромъ своихъ отношеній къ боярству, потому что, пересматривая въ августѣ 1566 года архивъ, отобралъ и взялъ къ себѣ всѣ старыя и новыя поручныя записи, сказки на князей Дмитрія и Ивана Бѣльскихъ, показанія княгини Авдотьи Микулинской и княгини Татьяны Дѣевой и переписку объ опальныхъ боярахъ, Михаилѣ Воротынскомъ и Дмитріи Курлятевѣ (стр. 338—339, 348—349, 352).

Неудивительно, что за послѣдующее время почти не встрѣчается помѣтъ: познакомившись въ августѣ 1566 года основательно съ документами и актами архива, царь, вѣроятно, чрезвычайно рѣдко обращался за какою-либо справкою въ архивъ. По крайней мѣрѣ, за послѣдующее время мы встрѣчаемъ чрезвычайно мало помѣтъ. Отмѣтимъ наиболѣе важныя изъ нихъ. Такъ, въ августѣ 1568 года отправили къ царю въ слободу Александровскую 224 ящикъ, гдѣ хранились „списки, что писати въ лѣтописецъ“, за 1560—1568 гг.; въ ноябрѣ 1569 года дьякъ Василій Щелкаловъ взялъ къ государю доносъ на Ивана Писемскаго и Петра Волынскаго о „непригожихъ рѣчахъ“ про государя, а въ іюнѣ 1571 года изъ ящика 188 были взяты грамоты константинопольскаго патріарха Іоасафа и тетрадь поставленія царскаго (стр. 349, 354).

Однако, всѣмъ этимъ не ограничивалось значеніе московскаго государственнаго архива.

Сравнительное изученіе лѣтописей XVI вѣка приводитъ къ выводу, что въ Москвѣ велась оффиціальная лѣтопись, различные списки которой дошли до насъ. При этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ, гдѣ велась эта лѣтопись, и кто ее составлялъ?

Классическій образъ Пушкинскаго Пимена невольно встаетъ передъ глазами, какъ только возникаетъ вопросъ о составителяхъ лѣтописей. Полу-миѳическій Несторъ, мнихъ Лаврентій, игуменъ Силь-

вестръ святаго Михаила, новгородскіе попы и монахи—вотъ составители лѣтописныхъ сводовъ и лѣтописей.

Иначе было дѣло теперь, въ XVI столѣтіи. Разъ всѣ важные акты и документы, касающіеся внутреннихъ дѣлъ московскаго государства и его дипломатическихъ сношеній съ ближайшими и отдаленными сосѣдями, хранились въ государственномъ архивѣ, то вполнѣ понятно, что здѣсь же всего удобнѣе и умѣстнѣе было вести оффиціальную лѣтопись и подбирать для нея матеріалы.

Это апріорное предположеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ нашей описи: оказывается, что въ ящикѣ 224 сохранялись „списки, что писати въ Лѣтописецъ", въ которыхъ были „лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76", т. е. отъ 1560 до 1568 года по теперешнему лѣтосчисленію.

Лѣтопись оффиціальная велась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царя, какъ можно видѣть изъ того, что этотъ лѣтописецъ и тетради въ августѣ 1568 года были посланы къ государю въ Александровскую слободу (стр. 354). Если лѣтопись въ августѣ 1568 года была послана къ царю, то слѣдовательно она могла быть доведена только до августа этого года. Находившаяся въ 224 ящикѣ архива лѣтопись, отправленная на просмотръ царю, начиналась съ того времени, до котораго доведена была Львовская лѣтопись (одинъ изъ варіантовъ московской оффиціальной лѣтописи), обрывающаяся, какъ извѣстно, на февральскихъ событіяхъ 1560-аго года, и кончалась на изложеніи августовскихъ 1568 года событій, на которыхъ прерывается Александро-Невская лѣтопись.

Если подобное совпаденіе служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ того, что такъ называемая Александро-Невская лѣтопись (начинающаяся съ февраля 1563 года) есть обрывокъ лѣтописи, хранившейся въ 224 ящикѣ архива, то это вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ, почему эта послѣдняя лѣтопись (изъ 224 ящика архива) начиналась именно съ 1560 года и доводилась до 1568 года? Было ли это дѣломъ случайности или вызывалось какими-либо важными и серьезными обстоятельствами?

Какъ мы уже видѣли выше, изъ разсмотрѣнія описи обнаруживается, что архивъ находился въ завѣдываніи печатника Ивана Висковатаго. Этотъ дьякъ былъ однимъ изъ московскихъ дипломатовъ; Алексѣю Адашеву и ему поручались всѣ дипломатическія дѣла:

они выслушивали пословъ, договаривались съ ними, вели переговоры и передавали отвѣты своего государя [1]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Алексѣя Адашева видимъ на первомъ мѣстѣ; не смотря на то, что довѣріе царя къ нему со времени извѣстной болѣзни пошатнулось, онъ по своему значенію оттиралъ Висковатаго. Состоя, такъ сказать, по дипломатической части, оба они, понятно, имѣли непосредственное отношеніе къ архиву, гдѣ сохранялись почти всѣ важные дипломатическіе документы, прекрасное знакомство съ которыми требовалось отъ нихъ, какъ дипломатовъ царя, опиравшагося всегда въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на историческое право. Въ виду этого, невольно является предположеніе, что на ихъ обязанности лежало вести ту оффиціальную лѣтопись, которая, какъ мы доказали, составлялась при архивѣ. Разумѣется, въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дипломатическихъ переговорахъ, первая роль доставалась на долю Алексѣя Адашева. Когда онъ палъ, его смѣнилъ Иванъ Висковатый.

Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли быть названы случайными слѣдующія совпаденія: такъ называемая Львовская лѣтопись, одинъ изъ дошедшихъ до насъ варіантовъ московской оффиціальной лѣтописи, обрывается, какъ извѣстно, на февральскихъ событіяхъ 1560 года, когда какъ разъ Алексѣя Адашева постигла окончательно царская опала (20 іюня дипломата видимъ третьимъ воеводою большаго полка въ войскѣ, вступившемъ въ Ливонію); такъ называемая Александро-Невская лѣтопись доводитъ изложеніе событій до августа 1568 года, а въ іюлѣ 1570 года былъ казненъ Иванъ Висковатый. Если въ послѣднемъ случаѣ совпаденіе выступаетъ не такъ поразительно ясно, какъ въ первомъ, то слѣдуетъ помнить, что съ осени 1568 года послѣдовали такія исключительныя и ужасныя событія, какъ столкновеніе царя съ митрополитомъ Филиппомъ, насильственная смерть Владиміра Старицкаго и разгромъ Новгорода и Нарвы съ окрестностями, событія, окончательно нарушившія обычное теченіе жизни, когда совершенно было несвоевременно и неудобно составлять оффиціальную лѣтопись. Если послѣ 1568 года продолжали составлять оффиціальную лѣтопись, то, вѣроятно, чрезвычайно краткую,

---

[1]) Ник. Лѣт. VII, 208—209, 215, 280, 282, 294, 304; Львов. Лѣт. V, 21—24, 36—37, 164—165, 167, 190—191, 210—211.

въ видѣ обрывковъ. Вотъ, какъ можно предполагать, истинная причина, почему до насъ не дошло никакихъ варіантовъ оффиціальной московской лѣтописи за послѣдующее время.

Если бы, вопреки всему этому, возможно было бы настаивать на томъ, что совпаденіе моментовъ опалы царской на Алексѣя Адашева и Ивана Висковатаго съ перерывами лѣтописнаго изложенія дѣло случайности и не можетъ быть объясняемо авторствомъ этихъ лицъ, то сошлемся на непререкаемый фактъ, устраняющій какія бы то ни было сомнѣнія, на свидѣтельство нашей описи. Оказывается, что въ 223 ящикѣ архива хранились взятые послѣ смерти Алексѣя Адашева въ Дерптѣ „списки черныя, писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ“.

Какъ можно заключить изъ такого текста (ящикъ 225): „приговоръ о Ливонской землѣ, что государю за нее стояти, а литовскому королю не поступатись; и тому приговору списокъ черной, а гра мота (т. е. подлинникъ) у государя, на чемъ государю дали правду“,— списками черными назывались копіи съ документовъ оффиціальнаго свойства.

Значитъ, у Алексѣя Адашева въ Дерптѣ послѣ его смерти были взяты копіи лѣтописца новыхъ лѣтъ, копіи, писанныя Адашевымъ для себя (писалъ память). Это доказываетъ то, что Алексѣй Адашевъ въ архивѣ подбиралъ матеріалы для лѣтописца „лѣтъ новыхъ“ и составлялъ „списки, что писати въ Лѣтописецъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, могли ли бы попасть копіи съ лѣтописца лѣтъ новыхъ въ руки Алексѣя Адашева, если бы онъ самъ не былъ составителемъ списковъ, что писати въ Лѣтописецъ?

Къ архиву имѣли отношеніе только онъ и печатникъ Иванъ Висковатый, какъ лица, которымъ государемъ поручались дипломатическія миссіи. Если оффиціальная московская лѣтопись составлялась при архивѣ, то, значитъ, составлять ее могли только или Алексѣй Адашевъ, или Висковатый.

Какъ выше мы говорили, Адашеву во всѣхъ порученіяхъ вплоть до весны 1560 года доставалась первая роль; это вызывало со стороны Висковатаго чувство непріязненности и вражды къ вліятельному сослуживцу: припомнимъ, что во время болѣзни государя онъ первый напомнилъ о необходимости составить духовную и былъ въ числѣ

первыхъ, присягнувшихъ на вѣрность младенцу Димитрію [1]), т. е. дѣйствовалъ въ направленіи совершенно нежелательномъ для друзей Адашева и Сильвестра; припомнимъ также попытку Ивана Висковатаго уронить въ глазахъ царя и всего собора друга Алексѣя Адашева, Сильвестра, на котораго онъ подалъ докладную, обвиняя его въ единомысліи съ еретикомъ Башкинымъ и новшествахъ въ иконописаніи [2]).

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) оффиціальная московская лѣтопись составлялась при архивѣ и просматривалась самимъ государемъ; 2) до весны 1560 года составлялъ ее Алексѣй Адашевъ, а 3) послѣ его паденія этимъ дѣломъ занимался печатникъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, въ завѣдываніи котораго находился и московскій государственный архивъ.

Вотъ—все, что можно сказать о московскомъ государственномъ архивѣ въ XVI вѣкѣ, на основаніи его описи.

Итакъ, московскій государственный архивъ, гдѣ хранились всѣ важнѣйшіе государственные акты и документы, и откуда забирались справки царемъ и различными правительственными учрежденіями, занималъ въ системѣ московскаго высшаго государственнаго управленія опредѣленное мѣсто: завѣдываніе архивомъ было соединено со службою по дипломатической части и съ обязанностью составлять „списки, что писати въ лѣтописецъ“, т. е. вести московскую оффиціальную лѣтопись.

---

1) Царств. книга 338—339.
2) Акт. Арх. Эксп. I, № 238.

